

РАЗДЕЛ 1

Историко-культурное наследие как ресурс укрепления российской государственности

*Ш. А. Гануров**

«Кавказ пленила Пушкинская Русь»: история и перспективы многовекового единства

Важнейшим фактором в процессе присоединения народов Северного Кавказа к России явилась русская культура. Сперва это были культурные контакты между казачеством и северо-кавказскими горами, приведшие к созданию уникального казацко-горского сообщества. А затем, в первой половине XIX в. — русские писатели, поэты, декабристы, кавказские просветители, которые знакомили Россию с Кавказом, а Кавказ с Россией. Подчеркивается, что так возникла культурная основа, которая и объединила, вопреки всему, Россию и Кавказ. Особо отмечается, что те районы Северного Кавказа, которые с XVIII в. тесно контактировали с русским населением, русской культурой, — равнинные районы Чечни (Терско-сунженское междуречье) Дагестана, Кабарды, Карачая, не говоря уже об Осетии, никогда не воевали против российской власти. В статье делается вывод, что поэт Расул Гамзатов имел полное основание писать: «Кавказ пленила пушкинская Русь».

* ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич, доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, Грозный, Россия. Электронная почта: garigov2011@gmail.ru

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, Русская культура, культура народов Северного Кавказа.

Президент Российской Федерации В. В. Путин, рассуждая о природе политических процессов в России в конце XX в., писал: «С распадом страны мы оказались на грани, а в отдельных известных регионах — и за гранью гражданской войны, причем именно на этнической почве. Огромным напряжением сил, большими жертвами эти очаги нам удалось погасить. Но это, конечно, не означает, что проблема снята.

Однако даже в тот момент, когда государство как институт критически ослабело, Россия не исчезла. Произошло то, о чем Василий Ключевский говорил применительно к первой русской Смуте: «Когда надломились политические скрепы общественного порядка, страна была спасена нравственной волей народа» [20, с. 121]. И действительно, именно «нравственная воля народов» спасла Россию от распада на рубеже XX–XXI вв. И огромную роль тут сыграла русская культура, которая в течение веков тысячами нитей связала народы России и которые не смогли разорвать никакие деструктивные силы, включая и враждебные России внешние силы. Русская культура выступила в качестве цементирующей силы и в образовании многонационального российского государства. Ей удалась эта миссия прежде всего потому, что она ставила на национальных окраинах России задачу, говоря словами Ивана Ильина, «не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь, не задушить иноплеменную и инославную жизнь, а дать всем дыхание и великую Родину: всех соблюсти, всех примирить, всем дать молиться по-своему, трудиться по-своему и лучших отовсюду вовлечь в государственное и культурное строительство» [20, с. 123]. Особенности русской государственности и русской культуры и позволили России к концу XVII — началу XIX в. присоединить к себе (и тут необходимо подчеркнуть, что преимущественно мирными политико-экономическими средствами) большинство народов Северного Кавказа. Уже с последней трети XIX в. народы России и Северного Кавказа оказались объединены прочными узами политических и экономических отношений, которые в XX в. выдержали тяжелейшие испытания. Достаточно вспомнить только Великую Отечественную войну и потрясения конца XX в. Стержнем, скрепляющим ткань этой уникальной цивилизации, как справедливо

сказал В. В. Путин, «выступили русский народ и русская культура» [20, с. 123].

Было множество факторов, которые притягивали друг к другу Россию и горские народы Северного Кавказа, но важнейшее место среди них занимал и фактор культур — русской и горских народов.

Есть расхожий тезис о том, что Кавказская война была порождена конфликтом цивилизаций: передовой, европейской русской культуры и отсталой, традиционной горской культуры. Мы полагаем, что тезис этот глубоко неверен. Хотя Кавказская война порождена множеством причин — прежде всего политических, но среди них не было конфликта культур, конфликта цивилизаций. Более того, с самого начала соприкосновения, в основном с XVI в. (а вообще этот процесс начался еще с периода Древней Руси), было стремление к познанию друг друга. Без взаимного уважения не получилось бы того удивительного взаимодействия, взаимовлияния этих культур, возникновения такого феномена, как культура кавказского казачества (терского, гребенского, кубанского, черноморского), которое мы наблюдаем с XVII в.

Поэтому мы полагаем, что совершенно прав был великий и мудрый дагестанский поэт Расул Гамзатов, когда он писал:

*«Нет, не смирялись и не гнули спины.
И те года и через сотню лет
Ни горские сыны, ни их вершины
При виде генеральских эполет
Ни хитроумье бранное, ни сила
Здесь ни при чем. Я утверждать берусь:
Не Русь Ермолова нас покорила,
Кавказ пленила пушкинская Русь».*

Соприкосновение, а затем и взаимодействие русской народной культуры и культуры горцев началось с XVII в., когда на Тереке и Сунже появились большие группы русских людей, предков будущих терских и гребенских казаков.

Уже в XVIII в. составной частью северокавказского общества стало терско-гребенское казачество. Оно явилось важным фактором как в экономическом, так и в политической истории края, во взаимоотношениях северокавказских народов с Россией и, наконец, в установлении российской власти на Северном Кавказе. «Вхождение казаков в этнокультурное пространство Северного Кавказа привело

к качественным изменениям результатов протекавших в регионе процессов. С конца XVIII в. казачество начинает превращаться в одну из равноправных сторон северокавказского общества» [15, с. 147].

Дальнейшее закрепощение крестьян, нарастание феодального гнета, усиление централизованной государственной власти в России в XVI — начале XVII в. привело к тому, что одной из форм социального протеста со стороны крестьян, холопов, посадских людей стало их бегство на окраины и даже за пределы тогдашних границ России. Так русские люди (казаки) в поисках воли появились на Тереке и Сунже. Тех из них, кто поселился на гребнях между Терекком и Сунжей, назвали гребенскими казаками. Другая часть казаков поселилась на нижнем Тереке, в его устье, и построила здесь так называемый Трехстенный городок. Их называли низовыми терскими казаками.

В источниках отражены разные мнения о месте и времени появления казаков на Тереке. Согласно трудам М. К. Любавского, «первыми русскими пришельцами в крае были казаки, утвердившиеся на нижнем Тереке» [14, с. 394], Трехстенный город стал «опорным и сборным пунктом терского казачества» и лишь к концу XVI — началу XVII в. казачество сосредоточилось в двух местах: в устье Терека и на Гребнях [14, с. 397]. Крупный исследователь истории терского казачества Л. Б. Заседетелева, называя гребенских казаков «самой старой группой терского казачества» [8, с. 182] и относит начало формирования гребенского казачества к середине XVI в. Подобного же мнения придерживаются С. А. Козлов и другие авторы [8, с. 141]. А. Ригельман полагал, что гребенские казаки сперва поселились в Кабарде, а позже перебрались на Сунжу [19, с. 138–140]. Здесь, на чеченской плоскости, тогда еще малозаселенной (чеченцы в XVI в. только-только начинали вновь осваивать покинутую ими в XIII в. равнину) и стали селиться казаки [10, с. 108]. Их поселки и хутора «встречались у Урус-Мартана, у Гойтен-Корта, по Аргуну и по другим более или менее отдаленным местам» [18, с. 26]. У. Лаудаев также указывает: гребенские казаки поселились в XVI–XVII вв. на землях Большой и Малой Чечни [13, с. 8].

Терско-гребенское казачество складывалось не только из беглых русских, искавших волю на Северном Кавказе, но и из представителей самих горских народов: чеченцев, кабардинцев, дагестанцев и т.д. Горцы бежали к казакам, спасаясь от кровной мести, рабства, от феодального гнета и произвола. Трудно определить, каково было число горцев среди терско-гребенских казаков, но бесспорно, оно

было значительным. У терских казаков были целые станицы, состоящие из горцев-нехристиан. Правда, гребенцы принимали в свою среду из «инородцев» только тех, кто принимал христианство [21, с. 148]. «Относительно инородческого элемента, входившего в состав терского войска, следует сказать, что это были разные кавказские выходцы, поселившиеся особыми слободами около Терека, под наименованием черкес, окончан, юртовых, то есть оседлых татар, мичкизян, шубутян и новокрещенов», — отмечал С. Писарев [17, с. 16]. Здесь, как видим, в основном, упоминаются чеченцы — «окочане», «мичкизяне», «шубутяне». В исторической литературе сложилось единое мнение, что в первоначальный период формирования терско-гребенского казачества (XVI–XVII вв.) между ним и горцами сложились мирные, дружеские отношения. «С первых же дней между гребенцами и ближайшими их соседями установились самые добрососедские отношения, — писал М. К. Караулов. — Гребенцы куначились и с кабардинцами, и с чеченцами, причем от последних часто брали себе жен...» [10, с. 108]. В работах С. И. Писарева и М. К. Любавского отмечено, что казаки держались в своих гребнях благодаря поддержке малокабардинских князей и чеченских обществ [17, с. 399]. «Терско-гребенское казачество до их переселения на левый берег Терека в непосредственном соседстве с горцами Восточного Кавказа, как видно, прожило чуть ли не 180 лет, а в целом эти дружественные отношения имеют почти 300-летнюю историю, — писал М. С. Тотоев. — Если бы эти отношения хотя бы наполовину были враждебными, то, само собою, понятно, терско-гребенская казачья вольница не смогла бы продержаться долго в окружении воинственных горских народов. Но казачья вольница в окружении горцев здравствовала целые века, потому что ее отношения с ними были преимущественно добрососедскими, и эти отношения продолжали существовать до тех пор, пока в них не стала вмешиваться разделяющая рука самодержавного, феодального государства» [21, с. 147].

Многовековые мирные отношения казаков и горцев способствовали взаимовлиянию горской и русской культур. Казаки, плохо знакомые с местными природными условиями, перенимали у горцев систему ведения сельского хозяйства, одежду, отдельные виды холодного оружия [3, с. 35]. М. А. Караулов отмечал, что именно мирные отношения с горцами и, прежде всего, с чеченцами привели к тому, что терско-гребенские казаки, наряду с охотой и рыболовством, уже

с XVI в. стали широко заниматься скотоводством, хлебопашеством, шелководством и пчеловодством, в то время как на Дону даже в конце XVII в. занятие земледелием каралось смертной казнью [10, с. 110]. Возможно, это и лежало в основе встречавшихся у авторов XIX в. неодобрительных отзывов о культурном и духовном влиянии горцев, якобы «неблагоприятно отразившемся на казачестве» [6, с. 60].

Об отношениях не просто мирных, но и уважительных между казаками и горцами в XVI–XVII вв. говорит и тот факт, что они усвоили язык друг друга, это важнейшее средство добрососедского общения. «... Казаки, вступая в сношения и даже в родство с соседними племенами, знали язык этих племен...», — подчеркивал Е. Максимов [16, с. 11]. Многие авторы (М. К. Любавский, М. А. Караулов, С. И. Писарев, И. Л. Омельченко, М. С. Тотоев и др.) писали, что в первоначальный период заселения Северного Кавказа казаки брали себе жен преимущественно из горских народов, в большинстве своем — путем хищения, а иногда и по добровольному согласию, договариваясь с горскими владельцами. «Русская казачья вольница на Тереке и отчасти на Дону в первые времена своего существования буквально-таки добывали жен на Кавказе», — указывал Ф. А. Щербина [22, с. 337]. М. А. Караулов уточнил: гребенские казаки брали жен, в основном, от чеченцев, поскольку те были их ближайшими соседями [10, с. 108]. «Специфические условия жизни зарождающегося казачества оказали существенное влияние на процесс его этногенеза и на особенности отношений между казаками и горцами, — пишут Ю. Г. Кульчик и З. Б. Конькова. — На Терек шли “волны” преимущественно представителей мужского пола. Жены казаков, в основном, были горского происхождения ... Эти браки составляли в стародавние времена самое заурядное явление и путем смешения образовался особый могучий тип гребенского казака и казачки...» [12, с. 6].

На установление и сохранение в XVI–XVII вв. мирных, дружеских отношений между казаками и горцами влияли два основных фактора: во-первых, в тот, первоначальный, период казаков на Тереке и Сунже было немного, они занимали свободные земли (а горцы полагали, что земли хватит всем; срабатывал и многовековой горский обычай оказывать гостеприимство беглым и гонимым). Россия тогда еще реально не угрожала независимости горцев и казаки не выступали проводниками царской колониальной политики в регионе. Во-вторых, в XVI–XVII вв. северокавказские владельцы, общества

и казаки были взаимно заинтересованы в мирных союзнических взаимоотношениях. Казаки прекрасно понимали, что иначе нельзя удержаться в беспокойном регионе, где постоянно идет междоусобная борьба феодалов и на который регулярно нападают турки, Крымские ханы и иранцы. Поскольку упрочение на Тереке и Сунже, обеспечение жизнеспособности казачества находилось в прямой зависимости от состояния его отношений с горцами, казаки кровно были заинтересованы в горских союзниках. На рубеже XVI–XVII вв. казачество превратилось в серьезную военную силу, способную влиять на политические процессы, протекавшие на Северном Кавказе. В условиях острой борьбы в регионе между владельцами, многие оказались заинтересованы в союзнических отношениях с казаками, в использовании их военной силы для упрочения своих позиций. Казаки были верными союзниками горцев и в отражении иноземных нашествий: со стороны Османской империи, Ирана и Крыма. И наконец, для тех горских обществ и владельцев, которые были заинтересованы в союзнических отношениях с Россией, наличие дружественных отношений с казаками было обязательным условием. Наглядный пример тому — союз и сотрудничество вайнахского владельца Ших-Мурзы Окоцкого и его наследников с терско-гребенскими казаками. Можно указать и на то, что войсковым атаманом Терского войска в 40-х гг. XVII в. был горский князь Муцал [18, с. 81].

В тоже время развитие горско-казачьих отношений не было прямолинейным и бесконфликтным даже в XVI–XVII вв., и дело тут не в разнонациональности и разнорелигиозности казаков и горцев. На Кавказе того периода не было двух соседних владений, которые бы не конфликтовали друг с другом. Следует учитывать, что казачество в ранний период формировалось зачастую из «удальцов», «кого преследовали сами общества как нарушителей законов и обычаев страны» [18, с. 33], естественным промыслом которых были нападения на соседей-горцев с целью захвата скота и прочего имущества. Терский воевода в 1589 г. сообщал о погроме казаками узденя Кумыкского шамхала, у которого взяли «45 лошадей, да 3 седла ..., да саблю, да шапку железную, да 9 лисиц». В другой раз казаки захватили людей тюменского владельца — «трех человек», а с ними «4 пищали, да сорок лисиц, да котлы, да платье» [1, л. 3].

По мере выселения вайнахов с гор на плоскость и превращения их в оседлых жителей сунженской равнины, они с середины XVII в.

стали более враждебны к терско-гребенским казакам. В отписке казачьего воеводы в 1647 г. в Москву сообщалось, что «и окочане, и шубтяне и мичкизяне (т.е. чеченцы. — авт.), и черкасы... и кочевые татаровы ездят рекою, и на всякие промыслы, и для всяких своих дел куда кто похочет, по одному человеку, и по два, и по три без ружья, и их нигде не грабят. И не побивают, и в полон не емлют, только одни твои государевы русские люди от тех басурманов гинут, и терские и гребенские атаманы, и казаки хотят свои казачьи юрты покинуть и брести росно, что де стало им жить невозможно» [9, с. 233, 234]. С конца XVI — начала XVII в. стали вспыхивать конфликты казаков с адыгами [2, л. 9] и кумыкскими владельцами [9, с. 189, 190]. Казаки совершали «ответные» нападения на горские аулы, громили их, захватывая имущество и пленных. В.Л. Величко писал, что «отряд станичников прибегал к испытанному ... способу восстановления мира и порядка», то есть шел «набегом на ингушское или чеченское воровское гнездо» [6, с. 60]. Однако в XVI–XVII вв. подобные столкновения горцев и казаков носили локальный характер, в основном им (зачастую с помощью института куначества) удавалось регулировать свои отношения друг с другом и заключать как кратковременные, так и длительные союзы. В тот период обе стороны — и горцы, и казаки — стремились строить свои отношения на принципах взаимотерпимости, взаимопонимания и добрососедства.

Таким образом, отношения между казаками и горцами в течение веков были, в основном, мирными и добрососедскими, пока царизм в последней трети XVIII в. не начал создавать на горских землях Кордонные линии, казачьи станицы, оттесняя самих горцев в горные ущелья, не начал отвечать на любое проявление непокорства карательными походами (в которых участвовали и казаки). К началу XIX в. «вызванная этими причинами напряженность между горцами и казаками переросла во многих районах Северного Кавказа в открытое противостояние» [15, с. 149]. В то же время следует указать на одно обстоятельство, отмеченное в свое время декабристом А.А. Бестужевым-Марлинским: «Левый берег Терека унизан богатыми станицами линейных казаков... Почти все они говорят по-татарски, водят с горцами дружбу, даже родство по похищенным взаимно женам, но в поле враги неумолимые» [5, с. 461]. Даже в годы Кавказской войны куначество между горцами и казаками не прерывалось.

Безусловно, казачество на Северном Кавказе было уникальным явлением. Убегая из России от феодального гнета, казаки шли на Кавказ в поисках воли и были в целом доброжелательно приняты горцами. С течением времени они стали неотъемлемой составной частью северокавказского общества, и свои отношения с местными владельцами и обществами строили по сложившимся в крае законам и традициям, точно так же, как строили их между собой сами северокавказцы. Однако, когда царизм в конце XVIII — начале XIX в. поставил перед собой цель любым путем (а «любой путь», разумеется, не устраивал горцев) утвердить свое господство на Северном Кавказе, казачество, уже к тому времени подчиненное российскому государству, стало наиболее боеспособной частью царской военной машины в крае. В. А. Потто писал, что на Северном Кавказе «передовыми русскими форпостами, сменившими богатырей былинного эпоса, было наше казачество — явление беспримерное в истории народов, свойственное только нашей Руси» [18, с. 12].

До начала XIX в. для российского общества, в том числе для просвещенной ее части, Северный Кавказ, его жители и его природа оставались мало известной «terra incognita». Но вот в 1818 г. началась трагическая Кавказская война (мы не оговорились, Кавказская война началась именно в 1818 г., а не в 1817 г., как об этом продолжают писать везде и всюду). Кто-то когда-то совершенно необоснованно ввел в обиход утверждение, что начало Кавказской войны приходится на 1817 г. Но в том году не было на Кавказе никаких серьезных военных действий, кроме отдельных набегов и эпизодических мелких боевых стычек. Более того, командующий Кавказской армией генерал А. П. Ермолов составил свой план покорения Северного Кавказа лишь к осени 1817 г. (в ноябре отправил его в Петербург на утверждение царю). План был дополнен, уточнен и утвержден царем в марте 1818 г., и первым шагом в выполнении этого плана было строительство в том же году крепости Грозная в Чечне. Строительству пытались помешать восставшие чеченцы, вскоре к ним присоединились дагестанцы, а затем пламя вооруженных действий перекинулось на Кабарду. Так в 1818 г., началась Кавказская война, с ее началом численность российской армии увеличилась, на Кавказе оказались тысячи российских офицеров, среди которых были писатели, поэты и вообще люди передовых взглядов. После восстания декабристов на Кавказ были сосланы десятки осужденных за участие в тайных обществах.

Все эти люди отличались одной особенностью: у них не было предвзятого отношения к жителям Северного Кавказа. Они пытались узнать как можно больше о горцах, об их традициях, культуре и, главное, разобраться в причинах Кавказской войны. Именно передовые русские люди, одетые в солдатские шинели, ознакомили российское общество с Кавказом и его жителями в своих письмах домой, в своих произведениях.

Включение горских народов в состав России наложило неповторимый отпечаток на русскую культуру — литературу, искусство, общественную мысль. В процессе взаимообогащения российская культура расширила горизонты познания, внесла мощную струю новых впечатлений в жизнь народов Кавказа, в том числе, конечно, и в духовную жизнь. В сложной и глубоко противоречивой действительности того времени многостороннее влияние русской культуры значительно усиливало позитивные черты национальной культуры народов Северного Кавказа и ослабляло влияние феодальных порядков [7, с. 78].

Кавказ как «дивный край», населенный не «хищниками», а гордыми, свободолюбивыми, храбрыми горцами, открыл для русского общества великий русский поэт А. С. Пушкин. Известны слова В. Г. Белинского: «Грандиозный образ Кавказа с его воинственными жителями первый раз воспроизведен в русской поэзии. Только в поэме Пушкина в первый раз русское общество познакомилось с Кавказом, давно уже знакомым России по оружию. Мы говорим — в первый раз: ибо каких-нибудь двух строф, кроме довольно прозаических, Державинских, посвященных Кавказу, и отрывка из послания Жуковского к Воейкову, посвященного тоже довольно поверхностному описанию (в стихах) Кавказа, слишком недостаточно для того, чтоб получить какое-нибудь, хоть сколько-нибудь приблизительное понятие об этой поэтической стороне. Мы верим, что Пушкин с добрым намерением выписал в примечаниях к своей поэме стихи Державина и Жуковского и с полной искренностью от чистого сердца хвалит их: но, тем не менее, он оказал им через это слишком плохую услугу, ибо после его исполненных творческой жизни картин Кавказа никто не поверит, что в тех выписках шло дело о том же предмете» [4, с. 427].

Произведения Пушкина, Лермонтова, декабристов (Полежаева, Бестужева-Марлинского и многих других) способствовали распространению правильных представлений о Кавказе и его народах. Несмотря на некоторые встречающиеся неточности и противоречия, эти

люди были глубоко прогрессивны для своего времени. Они одними из первых отнеслись к горцам как братьям, нуждающимся в помощи и просвещении, призывали к развитию мирных контактов и к дружбе с ними, развитию образования и культуры. Они сочувственно относились к освободительной борьбе горцев, но были сторонниками присоединения Кавказа к России. Будучи против жестоких военных методов царизма при покорении края, они считали, что присоединить Кавказ нужно мирными средствами, путем развития торговли, просвещения, культурного сближения между горцами и русским населением.

Цивилизационное влияние России на развитие народов Северного Кавказа можно проследить на примере российско-чеченских отношений.

С окончанием Кавказской войны завершился длительный и сложный процесс присоединения Чечни к России. Появилась возможность для постепенного включения региона в хозяйственно-экономическую, культурную и административную систему России. И в этом плане в последней трети XIX — начале XX в. было действительно сделано много. Проходившие в то время широкие реформы (административная, экономическая, аграрная) были распространены и на Чечню.

И, самое главное, в конце XIX в. она была приобщена к таким отраслям промышленности, как добыча нефти, строительство железнодорожных магистралей, грунтовых, шоссейных дорог, мостов; в нарастающем темпе на территорию Чечни стал проникать промышленный и торговый капитал. Город Грозный (он получил этот статус в январе 1870 г.) начал превращаться в крупный промышленный и торговый центр на Северном Кавказе. На железной дороге и нефтяных промыслах стали работать отходники из чеченских сел. Уже к началу XX в. они составили 22% от общего числа нефтерабочих. Чеченцы, уезжая из своих сел в промышленные города северного Кавказа, изучали русский язык, некоторые — грамоту, знакомились с русской культурой, повышалась их гражданственность, менялось мировоззрение. Первые светские школы, библиотеки открылись в последней трети XIX в. Русский ученый П. К. Услар совместно с чеченцем Кадидосовым создал чеченскую грамматику, уже к концу XIX в. Владикавказское и Грозненское училища подготовили первые выпуски школьных учителей — костяк будущей светской чеченской интеллигенции. Российский капитализм, втягивая различные отрасли хозяйства Чечни

в товарное производство, подчиняя их нуждам капиталистического рынка, способствовал превращению региона в неотрывную часть целого народнохозяйственного организма Российской империи. Это влияние особенно наглядно проявилось к началу XX столетия. О том, что чеченцы с конца XIX в. относились к России как к своей большой Родине, говорят факты их участия во внешних войнах России вместе с другими народами империи: в русско-турецкой войне (1877–1878), русско-японской, первой мировой.

В 1917 г. в России произошла Октябрьская революция. Чеченцы, поверив, что им вернут отнятые при царе земли, что будут созданы условия для национального развития, поддержали большевиков. Во имя исторической справедливости, нельзя не отметить, что в советские годы власть сделала многое для развития культуры, науки, образования, экономики Чеченской (Чечено-Ингушской) Республики. В 1920–1930-е гг. была создана система современного школьного, средне-специального и высшего образования. К концу 1930-х гг. школы имелись в каждом населенном пункте, была ликвидирована всеобщая неграмотность. Преподавание в младших классах велось на родном языке, в 1938 г. на чеченском языке было издано около 40 учебников. К 1940 г. в республике работало 378 общеобразовательных школ, одновременно создавалась система среднеспециального и высшего образования (к концу 30-х гг. в республике работало 14 средне-специальных учебных заведения, 2 вуза — нефтяной и педагогический). Большое количество молодых чеченцев по целевому направлению проходили обучение в других вузах страны. В саму республику приехало большое количество русских специалистов, которые помогли в создании системы школьного и вузовского образования, в становлении науки и культурных учреждений. Так создавался государственный архивный фонд, научно-исследовательские учреждения, чеченский театр, библиотеки, органы печати, музей. О развитии литературы можно судить по тому, что в 1935 г. в Москве на русском языке вышел сборник «Поэты Советской Чечено-Ингушетии».

1920–1930-е гг. стали прорывом в промышленном строительстве республики: возникли современная нефтеперерабатывающая, химическая, машиностроительная отрасли. Однако все эти успехи в республике сопровождались и негативными процессами: репрессиями против интеллигенции, инженерно-технических кадров и партийно-советских работников. А в 1944 г. сталинский режим осуществил

страшное преступление (геноцид) против вайнахского народа — в феврале чеченцы и ингуши были депортированы без всяких оснований со своей родины в Казахстан и Среднюю Азию. В ходе депортации и в период пребывания в местах высылки (13 лет) погибло до 1/3 населения чеченского населения.

Президиум Верховного Совета СССР принял 9 января 1957 г. Указ «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР» и с этого же года чеченцы стали возвращаться на свою историческую родину. Процесс этот растянулся на несколько лет, был плохо организован. Лишь к середине 1960-х гг. чеченцы в основном вернулись на родину и началось полноценное восстановление республики.

В 1960–1980-е гг. развитие Чечено-Ингушской АССР шло довольно противоречиво. С одной стороны, благодаря помощи Москвы, довольно быстро и хорошо развивалась промышленность, в том числе и перерабатывающая для сельскохозяйственной продукции. И в то же время под предлогом борьбы с национализмом существовали серьезные препятствия для развития национальной культуры, изучения национальной истории. К концу 1980-х гг. по количеству лиц, имеющих высшее образование и ученую степень, чеченцы отставали от всех народов Северного Кавказа и шли на одном уровне с чукчами и коряками. Вплоть до начала перестройки, в Республике не действовала ни одна мечеть. Все это порождало естественное недовольство у местного населения, тем не менее, вплоть до начала 1990-х Чечено-Ингушская республика оставалась самым спокойным и стабильным регионом СССР.

В 1991 г. действия деструктивных сил привели к распаду Советского Союза. Определенные политические силы в Москве при поддержке антироссийских кругов за рубежом взяли курс на развал и Российской Федерации и в качестве плацдарма для выполнения данной задачи решили использовать Чеченскую Республику. Так Республика оказалась вовлечена в трагические кровавые события, целью которых, повторяю, был развал России как единого государства. Чеченский народ ни в коей мере не был виновен в этих событиях. Напротив, претензии по поводу так называемых «чеченских событий» конца XX в. нужно предъявлять тогдашнему руководству Кремля: Ельцину, Березовскому и прочим. За то, что они оставили чеченский народ один на один с международными террористами и не защитили Чеченскую Республику как часть России. Это очень четко не раз

подчеркивал президент России В. В. Путин. Более того, в 1994 г. чеченский кризис можно было разрешить путем мирных переговоров. Чеченская сторона была к этому готова, но Ельцин и его окружение хотели «небольшой победоносной войны». Что из этого вышло, мы все знаем.

В то же время события 1990-х гг. очень четко показали, что Россия и Чеченская Республика очень тесно, неразрывно связаны многовековыми политическими, экономическими и культурными узами, разорвать которые невозможно.

Военные кампании 1994–1995 и 1999–2000-х гг. тяжелым катком прошли по нашей Республике. Были уничтожены города и населенные пункты, вся социальная инфраструктура. В этих сложнейших условиях Президент России В. В. Путин назначил Главой Администрации Чеченской Республики Ахмат-Хаджи Кадырова. Благодаря его огромной мудрости, мужеству, дипломатическому такту ему удалось остановить войну, объединить чеченский народ, начать восстановление разрушенной республики. После безвременной гибели отца 9 мая 2004 г. его курс и политику продолжил Рамзан Ахматович Кадыров. За несколько лет руководства Чеченской Республикой он совершил беспрецедентный прорыв: Республика была восстановлена, стала намного краше и лучше довоенной, к людям пришли мир и стабильность. Самое главное, молодому чеченскому лидеру удалось выстроить с Москвой, и, прежде всего, с В. В. Путиным, особо доверительные отношения, благодаря которым российское правительство даже в кризисных условиях всячески помогало и помогает восстановлению и дальнейшему развитию Чеченской Республики. Таким образом, отношения между Чеченской Республикой и Российской Федерацией вступили в качественно новый этап развития.

Завершить нам хотелось бы словами Президента России В. В. Путина: «Российский опыт государственного развития уникален. Мы многонациональное общество, но мы единый народ. Это делает нашу страну сложной и многомерной. Дает колоссальные возможности для развития во многих областях. Однако если многонациональное общество поражают бациллы национализма, оно теряет силу и прочность ... Нельзя насильно заставить быть вместе. И нельзя заставить жить вместе по расчету, на основе взвешивания выгод и затрат. Такие расчеты работают до момента кризиса. А в момент кризиса начинают действовать в обратном направлении.

Уверенность, что мы можем обеспечить гармоничное развитие политкультурной общности, опирается на нашу культуру, историю, тип идентичности.

Российская цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И тем не менее он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь» [20, с. 127].

Использованная литература:

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 115. Оп. 1. 1756–1757 гг. Д. 6.
2. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 115. Оп. 1. 1757. Д. 8.
3. Ахмадов Я. З. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в. Грозный: Изд-во Грозненский рабочий, 1991.
4. Белинский В. Г. Избранные сочинения. М.: ОГИЗ, 1947.
5. Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения: В 6-ти т. Т. 1. М., 1958.
6. Величко В. Л. Кавказ. Русское дело и межплеменные вопросы // Держава. 1997. № 9. С. 57–64.
7. Документальная история образования многонационального государства Российского: В 4-х кн. Кн. 1.: Россия и Северный Кавказ в XVI–XIX вв. М.: Норма, 1998.
8. Заседателева Л. Б. Терские казаки. М.: Изд-во МГУ, 1974.
9. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: В 2-х т. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
10. Караулов М. А. Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ: Электротпечатная тип. Терского областного управления, 1912.
11. Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества. СПб.: Лениздат, 1996.
12. Кульчик Ю. Г., Конькова З. Б. Нижнетерское и гребенское казачество на территории Дагестана: поиск путей выживания // Дагестан: нижнетерское казачество. М.: Наука, 1995. С. 3–11.
13. Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 6. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского, 1872. С. 3–125.
14. Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации. М.: Изд-во МГУ, 1996.
15. Мальцев В. Н. Казаки и горцы Северного Кавказа: проблемы становления и развития отношений в конце XVIII–XIX вв. // Кубанское

казачество: три века исторического пути: матер. междунар. науч.-практ. конфер. (23–27 сентября 1996 г., ст. Полтавская). Краснодар, 1996. С. 141–149.

16. Максимов Е. Терское казачье войско. Владикавказ: Тип. Обл. правления Терской области, 1890.

17. Писарев С. И. Трехсотлетие Терского казачьего войска. Владикавказ: Тип. Терского обл. правления, 1881.

18. Потто В. А. Два века Терского казачества. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991.

19. Ригельман А. История или повествование о Донских казаках. Ростов н/Д: Ростовское кн. изд-во, 1992.

20. Слова, меняющие мир. Ключевые цитаты Владимира Путина. М.: ПроектСеть.РФ, 2015.

21. Тотоев С. М. Взаимоотношения горских народов с первыми русскими поселенцами на Северном Кавказе // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Дзауджикау: Гос. изд-во Северо-Осетинской АССР, 1948. Т. 12. С. 137–148.

22. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска: В 2-х т. Т. 1.: История края. Екатеринодар: Тип. Кубанского обл. правления, 1910.

Shakhrudin A. GAPUROV

Dr. Sci. (National History), Prof.,

President, Academy of Science of the Chechen Republic,
Head, Department of Modern and Contemporary History,

Chechen State University

Grozny, Russia

gapurov2011@gmail.ru

**“The Caucasus Was Captured by Pushkin’s Russia”:
History and Prospec of Centuries-Old Unity**

It’s noted that the most important factor in the process of joining the peoples of the North Caucasus to Russia was the Russian culture. First, these were the cultural contacts between the Cossacks and the North Caucasian mountaineers, which led to the creation of a unique Cossack-Mountain community. And then, in the first half of the XIX century there were the Russian writers, poets, Decembrists, Caucasian enlighteners which acquainted Russia with the Caucasus, and the Caucasus with Russia. It is outlined that cultural basis, which is also combined in spite of everything Russia and the Caucasus, is come. It is especially noted that those regions of the North Caucasus that have been in close contacts with the Russian population since the XVIII-th

century, the Russian culture-plain regions of Chechnya (Tersko-Sunzh interfluve), Dagestan, Kabarda, Karachay, not to mention Ossetia, have never fought against the Russian authorities. The article concludes that the poet Rasul Gamzatov had a full basis to write: "The Caucasus was captured by Pushkin's Russia"

Keywords: Russia, North Caucasus, Russian culture, culture of the peoples of the North Caucasus.

Г. Д. Грищенко*

Российская идентичность и политика идентичности как факторы сохранения культурного наследия и обеспечения национальной безопасности**

В статье обосновывается необходимость укрепления российской идентичности и доказывается ее значимость для сохранения культурного наследия и обеспечения национальной безопасности. В результате проведенного автором категориального анализа понятия идентичности была показана важность перехода от психологической трактовке идентичности к социологической. Установлено, что соответствует задачам нашего исследования понятие идентичности, данное в рамках символического интеракционизма, где делается акцент на теории социализации в качестве основы для теории идентичности. Идентичность трактуется не только как социально обусловленный результат диалектического взаимодействия Я и Мы по поводу культуры, ее обычаев и нравственных императивов, этнических и религиозных особенностей, и др., но и результат, достигнутый воспитательными практиками. В таком контексте целесообразно говорить о политике идентичности, реализуемой, прежде всего, государством. И здесь на первый план выходит популяризация культурно-исторического наследия.

* ГРИЩЕНКО Галина Дмитриевна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории конфликтологии Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН, профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин Ставропольского государственного медицинского университета, Ставрополь, Россия. Электронная почта: dissovet@rambler.ru.

** Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 16-03-00038 «Технологии противодействия укреплению общероссийской идентичности как фактор рисков национальной безопасности».